

Научная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108>

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ КОНЦА 1950-Х – НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: ПОИСКИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ АНТИКОВЕДОВ

**Сергей Борисович
Крих**

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия, krikh@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации изложения римской истории в советских учебниках конца 1950-х – начала 1960-х гг. в контексте смены научных поколений и пересмотра идеологических установок сталинского периода. Центральным является вопрос о том, как молодые антиковеды А. Л. Кац и А. И. Немировский пытались переосмыслить и по-новому структурировать учебный материал в рамках процесса делегитимации концепта «революции рабов», укоренённого в историографической и образовательной практике с середины 1930-х гг.

Генерационный подход, использовавшийся для анализа материала, позволил показать, что новое поколение, сформированное внутри сталинского историографического канона, стремилось придать повествованию большую живость и историческую конкретность, противопоставив свой стиль унифицированному языку учебников 1930–1940-х гг. Однако это стремление вступало в противоречие с идеологическими рамками марксистско-ленинской теории, которую молодые исследователи не ставили под сомнение. В результате Кац и Немировский, сохраняя ключевые догматы о рабовладельческой формации, нередко даже более последовательно воспроизводили отдельные утверждения науки сталинской эпохи, усиливая эмоциональные и социальные характеристики положения рабов. Кроме того, обязательность цитирования «классиков марксизма-ленинизма» порождала новые противоречия между источниковедческими данными, современной историографией и идеологическими требованиями. В статье показано, что попытки построить непротиворечивый нарратив в данных условиях приводили авторов к неизбежным методологическим тупикам, проявившимся ранее всего именно в учебной литературе. Таким образом, образовательная сфера стала пространством, где проблемы с дальнейшим развитием догматизированного нарратива обнаружились раньше, чем в академической науке, и где поиск нового поколения антиковедов выявил глубинные противоречия советской исторической модели.

Ключевые слова: советская историография, история древнего Рима, историческое образование, «революция рабов», генерационный подход, антиковедение.

Для цитирования: Крих С. Б. Римская история в советских учебниках конца 1950-х – начала 1960-х гг.: поиски нового поколения антиковедов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 93–108. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108>

Сведения об авторе: С. Б. Крих – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, Омская область, г. Омск, проспект Мира, д. 55.

© Крих С. Б., 2026

Scientific Article

UDC 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108>

ROMAN HISTORY IN SOVIET TEXTBOOKS OF THE LATE 1950S – EARLY 1960S: THE SEARCH UNDERTAKEN BY A NEW GENERATION OF CLASSICAL SCHOLARS

Sergey B. Krikh

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russia, krikh@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>

Abstract. The article examines the transformation of Roman history presentation in Soviet textbooks of the late 1950s and early 1960s, in the context of a generational shift within the scholarly community and the reassessment of Stalin-era ideological paradigms. The key issue is how young scholars of Antiquity, A.L. Kats and A.I. Nemirovskiy, sought to reinterpret and reorganize learning material as part of the delegitimation process of the “slave revolution” concept as the previously dominant concept”, embedded in historiographical and educational practice since the mid-1930s.

Applying a generational approach makes it possible to show that the new cohort, formed within the confines of Stalinist historiographical principle to bring greater vividness and historical specificity to the narrative, distancing their style from the uniform, heavily schematic language typical of textbooks of the 1930s–1940s. Yet this aspiration clashed with the ideological framework of Marxist-Leninist theory, which the younger researchers did not question. As a result, while preserving the key dogmas of the slave-owning mode of production, Kats and Nemirovskiy often reproduced Stalin-era interpretations even more consistently, accentuating emotional and social dimensions of slavery. Moreover, the requirement to cite the “classics of Marxism-Leninism” introduced additional tensions between primary sources, contemporary historiography, and ideological prescriptions. The article demonstrates that attempts to construct a coherent narrative under these conditions led the authors into methodological impasses – ones that emerged primarily in the educational literature. Thus, the sphere of education became a domain in which the limitations of the dogmatized narrative manifested earlier than in academic scholarship, and where the efforts of the new generation of classical historians exposed the deeper contradictions of the Soviet historical model.

Keywords: Soviet historiography, history of ancient Rome, history education, “slave revolution”, generational approach, classical studies.

For citation: Krikh, SB 2026, ‘Roman History in Soviet Textbooks of the Late 1950s – Early 1960s: The Search Undertaken by a New Generation of Classical Scholars’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 93–108, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergei B. Krikh* – Doctor of Science (History), Professor of the Department of General History, Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira st., Omsk, 644077, Russia.

© Krikh S. B., 2026

Введение: постановка задачи и методика

Введение в советский исторический нарратив концепта «революция рабов» в середине 1930-х гг. оказало сильное формирующее влияние на становящуюся советскую историографию и потребовало в итоге значительных усилий по его нормализации [17; 24]. Если в том, что касалось научных работ, усилия эти можно было в той или иной степени минимизировать, обратившись к узким темам, не требовавшим обязательного упоминания «революции рабов» и его производных («революция рабов и колонов», «революционные движения...»), то в случае с учебниками, особенно относящимися к истории древнего Рима (которая сообразно с традицией, восходящей ещё к XIX в., воспринималась как рассказ об обществе, достигшем высшей точки рабовладельческих отношений), необходимо было, напротив, адаптировать сталинское высказывание к повествованию о римской истории если и не вполне органично, то как можно более быстро. В этом отношении проявил себя известный парадокс, характеризующий связь образования и науки: образование адаптирует пришедшие из науки нововведения путём упрощения, но эти упрощения затем порождают свою традицию, которая уже не может автоматически и тем более бесследно исчезнуть вместе с изменениями научных концепций. Традиция к тому времени уже сформировалась: в начале 1950-х гг. советская средняя школа более десятилетия использовала учебник по истории древнего мира [3], а для высшей школы были подготовлены отдельные учебники и по древнегреческой [27], и по древнеримской истории [19].

Таким образом, в первое послесталинское десятилетие, когда понятие «революция рабов» очевидным образом делегитимировалось в научной среде, перед авторами учебников встала задача новой организации материала по римской истории. В этом отношении особенно интересно рассмотреть, как эту задачу пытались решить представители недавно вошедшего в советскую науку нового, полностью советского поколения – А. Л. Кац (1922–1978) и А. И. Немировский (1919–2007). Следовательно, ниже будет использован генерационный подход к истории науки [см. 26]. При всех его недостатках, таких, как сложность проведения граней при выделении поколений, наличие индивидуальных траекторий, которые часто не позволяют уравнивать персональный опыт конкретного историка с жизненным опытом его поколения (например, востоковед И. М. Дьяконов (1915–1999) провёл в детстве несколько лет в Норвегии), в нашем случае использование этого подхода оправдано тем, что позволяет посмотреть, как нетривиальную задачу реформатирования исторического нарратива решали учёные, которые начали свой путь исключительно при доминировании этого же нарратива.

Для того чтобы адекватно оценивать деятельность вышеуказанных авторов, необходимо показать, от какой основы они отталкивались, и как ту же самую задачу решали представители других поколений, чему и посвящена первая часть статьи.

Контекст: поиски «старших товарищей»

Относительно комфортный вариант для решения проблемы частичной корректировки курса представляло учебно-методическое пособие В. А. Гольденберга (1900–1956), которое явилось результатом его активной методической работы в начале 1950-х гг. для студентов-заочников исторического факультета Харьковского университета и которому предшествовало несколько ранних версий. Сводная версия пособия, включавшая древний Восток, Грецию и Рим, вышла в 1956 г. тиражом 15 тысяч экземпляров.

Удобство этого пособия для корректировки позиции заключалось в том, что значительную часть его объёма занимали списки источников и литературы, указания на карты и основные даты по темам, на которые была разбита история Древнего мира, а авторский текст в полном смысле слова сводился к указаниям, на что следует

обратить внимание студентам при подготовке каждой темы: в случае с римской историей такие указания занимали не более трёх с половиной страниц на одну тему (чуть больше 6000 знаков по нашим подсчётам), как в случае описания восстания Спартака и связанных событий [1, с. 139–142]. При таком подходе Гольденбергу удалось сделать в большинстве тематических разделов сильный акцент именно на социально-экономической истории и в значительной мере поставить под контроль единой идеи данные античных источников, которые при более пространным изложении (как мы увидим далее) почти неизбежно вводили авторов учебников или в политическую историю, или в историю культуры. Последней, кстати, Гольденберг давал самые сжатые характеристики, что вызывало даже замечания рецензентов [8, с. 115], но имело до известной меры объективные основания – советской литературы, посвящённой этим вопросам, было катастрофически мало, и автор почти ничего не мог рекомендовать для чтения заочникам.

Скупость объёма и истекающее из него отсутствие деталей в изложении позволяло делать и более смелые утверждения, как, например, при характеристике первого сицилийского восстания: «Ясно осознанной цели у восставших не было» [1, с. 133]; далее по тексту приводилась цитата из Ленина, сообщающая то же самое. Студент-заочник получал аксиоматическое утверждение, которое уже не должно было в его голове быть оспорено тем фактом, что восставшие сирийцы, вообще-то, провозгласили собственное царство, а их целью, надо полагать, было отделение Сицилии от Рима. Позднее при упоминании второго сицилийского восстания Гольденберг всё-таки сообщает о попытке создания восставшими государства, но ставит это слово в кавычки [1, с. 136].

Тот же приём, но более тонко применяет автор при характеристике положения Римской империи в I в. н.э.: он перечисляет через запятую явления разного порядка («восстания легионов, волнения рабов, народно-освободительные движения в провинциях»), определяя их как симптомы обострения «социальной и народно-освободительной борьбы» [1, с. 150]; далее он также во множественном числе пишет про «заговоры рабов» (тоже в порядке перечисления), а также вводит новую тему: «борьба рабов против своих угнетателей теперь принимает другие формы (главным образом, саботаж, нанесение материального ущерба хозяйству рабовладельцев)» [1, с. 151]. Таким образом, Гольденберг пытается найти убедительный баланс между намёками на сохраняющуюся опасность рабских выступлений и объяснением, почему в Ранней империи этих выступлений не было; это же позволяло и органично объяснить распространение колоната.

Равно и положение Римской империи в III–V вв. описано таким образом, чтобы собрать воедино различные признаки нестабильности: «В области социальной кризис характеризовался, прежде всего, массовым бегством колонов и рабов с мест постоянного жительства и запустением целых областей, а также революционным движением и восстаниями в различных частях римского мира» [1, с. 156]. Эти определения обнажали прямое наследство с позднесталинским временем, когда историки, стремясь сделать тезис о «революции рабов» более убедительным, вписывали в черты этой революции рабов также и восстания в провинциях, и жалобы колонов (которые преувеличенно толковались как пассивное сопротивление): «Новым в этом движении в III веке было объединение рабов и колонов, выступавших единым фронтом против существующего строя, но ясно осознанной цели борьбы у восставших не было и теперь», из этого выводится в итоге «постепенная феодализация империи и нарастание революционного движения рабов и колонов» [1, с. 157].

В том же году вышло пособие по римской истории С. И. Ковалёва (1886–1960) и Е. М. Штаерман (1914–1991), адресованное учителям истории «для освежения и пополнения знаний» самих учителей и для повышения качества их рассказа на уро-

ках [14, с. 4]. Ковалёв написал главы до диктатуры Суллы, а кризис республики и всю историю империи написала Штаерман, которая незадолго перед этим защитила докторскую диссертацию и была одним из самых перспективных советских антиковедов. Что касается Ковалёва, то он был опытным лектором, писал учебные пособия начиная с 1920-х гг. [9], в 1930-х гг. участвовал в создании школьного учебника по Древней истории [13], а в 1948 г. опубликовал лекционный курс по истории Рима [11]. Ковалёв умел приспособлять свои взгляды к меняющимся тенденциям, но на этот раз он взял себе те главы, в которых как раз было меньше необходимости что-либо менять.

Описывая развитие рабовладения накануне восстания Спартака, Штаерман подчёркивает, что если владельцы средних вилл уже смотрели на раба как на ценность, то сверхбогатые римляне проявляли бессмысленную жестокость: это описание [14, с. 159] насыщено примерами и апеллирует к чувству гуманности читателя, что не позволяет считать его отстранённо-формальным.

Переход к империи был подготовлен, по мнению Штаерман, необходимостью развития рабовладения: согласно её представлениям, вершиной развития рабовладельческих отношений была средняя вилла; латифундии с малоэффективным хозяйством, созданные аристократами конца республики, мешали становлению этого типа хозяйствования, а изъятие земли было невозможно, пока Рим управлялся сенатской аристократией. «Таким образом, изменение государственного строя диктовалось и политическими, и экономическими интересами широких слоёв рабовладельцев Италии и провинций» [14, с. 169]. Фиксируется разрыв между интересами сельского и городского плебса в I в. до н.э., который делал невозможной победу демократической тенденции [14, с. 176]. Взаимоотношения же между средним и крупным землевладением характеризовались как переменные: уменьшившись в числе в результате кровопролитий гражданской войны, латифундиальные хозяйства снова начали расти в период Ранней империи, хотя императоры нередко казнили их собственников и конфисковывали земли [14, с. 237–238].

В целом повествование Штаерман отличает сбалансированная обрисовка положения дел в эпоху Империи, избегание картин безудержной эксплуатации, но хорошо заметна сохранившаяся от более ранней историографии тенденция не видеть наличия в римском городском обществе средней прослойки, что приводит к логическим нестыковкам: описывая высокий уровень специализации римского ремесла, Штаерман в том же абзаце говорит о непомерной дороговизне съёмных квартир в Риме и продуктов питания, частых выселениях должников, а это могло создать у читателей впечатление, что квалифицированные ремесленники также жили на грани даже не бедности, а нищеты [14, с. 245–246].

В обострении кризиса рабовладельческой экономики Штаерман отмечает роль вытесненных из производства свободных, как бы не теряя из виду прослойки городского плебса, о которой писала ранее, что свидетельствует и о продуманности её общего видения, и о проработанности методической стороны очерков; также это позволяет ей объяснить в рамках марксистского понимания истории факт стабильных пожертвований со стороны богатой верхушки на общественные нужды: ведь это позволяло сплотить бедных и богатых свободных против рабов [14, с. 265]. Кроме того, она использует ещё один повествовательный приём: сначала рассказывает о проблемах с городским самоуправлением (разорение средних землевладельцев, которые несли на себе груз муниципальных расходов привело к тому, что государство стало запрещать им менять образ деятельности) и о крупных восстаниях (например, багаудов в Галлии), изображая эти события не как следствие, а как причину политического кризиса Римской империи в III в. Достигнута эта манипуляция за счёт интересной компоновки материала: положение империи во II–III в. описано в одном очерке, и

тем самым рассказ про борьбу с отдельными крупными разбойными шайками (собственно, в источниках известны всего два таких случая – во главе с Матерном и с Буллой) и про багаудов [14, с. 270–271] в одном пункте предстаёт логичным; конечно, как и было принято в советской историографии, Матерн и Булла изображаются вождями повстанцев. Манипуляция же здесь в том, что совершенно разные движения, часто отделённые несколькими десятилетиями или происходившие в разных провинциях, будучи собраны рядом, создают впечатление единой цепи событий – приём, как и у Гольдберга, унаследованный от историографии сталинского периода, стремившейся создать базу для вывода о «революции рабов» [2]. Оттуда же происходил и тезис о сочувствии и даже помощи варварам (например, готам) со стороны «народных масс» [14, с. 278]. Вызвана прежними достижениями советской историографии, в частности, работами учителя Штаерман Н. А. Машкина [18] и идея о большем масштабе народных восстаний в V в. по сравнению с III в. [14, с. 320–321].

Чтобы подтвердить наличие различных программ и сознательности действий у разных слоёв правящего класса, Штаерман иногда применяет и умолчания: так, в одном абзаце она сообщает, что земельные магнаты были недовольны политикой династии Северов, но примирились с энергией основателя династии, а вот его сын «был убит заговорщиками» [14, с. 276], что почти наверняка создавало у читателя ложное впечатление, будто заговорщики и были из числа земельных магнатов. Интересен и приём, объясняющий стойкость христиан при гонениях III–IV вв.: историк считает, что богатые и знатные быстро уступали давлению государства, а «из числа простых христиан» отрекавшихся почти не было, они обличали своих гонителей, изливая свою ненависть к ним [14, с. 292, 302] – иными словами, классовый принцип прослеживается и здесь, а вот роль личности игнорируется.

Точно так же прослеживается и стремление объяснять основные перемены через процессы внутри каждого общества (оставшееся чертой советской науки на всём протяжении её существования): при описании варваризации римской армии из-за проблем с её пополнением в первой половине IV в. выводится преобладание варваров в войске на рубеже IV–V вв., а события, связанные с битвой при Адрианополе в 378 г. в этом контексте не упоминаются вовсе [14, с. 317–318]: читающий это учитель мог подумать, что увеличение набора варваров было полностью рациональным решением правительства; при этом сам сюжет с катастрофой, вызванной восстанием вестготов, рассказан очень подробно, но ниже, без прямой связи с рассуждениями о составе армии [14, с. 321–325]. Символично, что начиная с этого длинного рассказа и до самого конца очерка о падении Западной Римской империи Штаерман переходит к фактологии, сравнительно детально рассказывая о событиях до 476 г. Она не забывает упоминать о том, что при вторжениях варваров их обязательно поддерживали угнетённые слои римского общества, но чётко сформулированной логической цепочки причин гибели рабовладельческой формации не выстраивает; а в заключении мелькает только иллюзия формулы: «В результате народных восстаний и внешних завоеваний Западная империя пала» [14, с. 334]. Это достаточно очевидная стратегия избегания ответа на вопрос, и мы можем её объяснить: именно в 1953–1956 гг. на страницах «Вестника древней истории» происходила дискуссия вокруг статьи, в которой Штаерман предложила считать фактическим концом рабовладельческого строя (и соответственно античности) начало IV в. [29]. Возражения коллег к тому времени её явно не убедили (А. Л. Кац приводит цитату из её письма о «печальном опыте с дискуссией» [4, с. 679]), но жанр очерков, как несложно понять, не оставлял пространства для дискуссии, так что Штаерман не стала ни бороться со сложившейся хронологией, ни менять свои взгляды: события IV–V вв. описаны, но логически не вписаны в историю рабовладельческого Рима.

В те же годы происходила замена линейки школьных учебников. Полтора десятилетия в советских школах доминировал учебник под редакцией А. В. Мишулина, в заключительном параграфе которого прямо приводилась сталинская цитата о «революции рабов» [3, с. 232]. В 1954 г. в школы был направлен учебник С. И. Ковалёва (с тиражом в 2,4 млн экз.). В нём, конечно, было намного меньше предположительных суждений: например, первое сицилийское восстание описывалось без домыслов о перспективах государства у восставших [10, с. 141–142], как это делал Ковалёв в вышеохарактеризованных очерках [14, с. 115], а при описании падения рабовладения были просто изложены два основных факта (очень сходно с формулой, данной в «Очерках»): «Рим пал в результате восстаний рабов и колонов и вторжения варваров» [10, с. 171]. Всегда гибкий в теоретических вопросах Ковалёв на этот раз, как будто, не был готов строить новую сложную модель объяснения. Возможно, работая над учебником, он ещё не был уверен в том, насколько следует отказываться от суждений Сталина: слов о «революции рабов» в учебнике 1954 г. нет, но в параграфе о христианстве есть другая цитата недавнего безусловного «классика марксизма-ленинизма» [10, с. 164–165]. Соответственно, условно представители «старшего поколения» (Штаерман стоит скорее посередине между двумя основными стратами) предпочли в вопросе о конце античности не спешить с итоговыми ответами. Новое поколение, как будет показано ниже, оказалось более решительным.

Курс лекций для заочников: кейс А. Л. Каца

А. Л. Кац защитил кандидатскую диссертацию в МГУ в 1953 г., а после по распределению был отправлен в Киргизию, где преподавал в сфере заочного обучения; он сохранял связи с московской наукой, и в те годы, как свидетельствует он сам в воспоминаниях, периодически посещал столицу [4, с. 619–620]. Его избранные лекции по римской истории были напечатаны в 1959 г. скромным тиражом в 600 экземпляров, но в «Вестнике древней истории» на них появилась рецензия [21].

Можно утверждать, что Кац с большой долей вероятности не был знаком с пособием Гольденберга и, вероятно, не знал школьного учебника Ковалёва, но безусловно читал очерки Ковалёва и Штаерман, так как писал на них рецензию [7]. Не менее хорошо был ему знаком и университетский учебник Н. А. Машкина (1900–1950), по которому он учился. Ориентируясь на недавно вышедшие очерки своих коллег, молодой учёный тем не менее принял несколько иное решение по структуре своих лекций: так, он выделил две отдельные лекции по истории культуры республики и империи.

Молодой преподаватель старался работать над стилем изложения, чтобы сделать чтение своего пособия более увлекательным, иногда даже позволяя себе намекать на параллели с современностью, о чём он сообщал в мемуарах [4, с. 701–702]. Он активно использовал риторические вопросы (возможно, источником вдохновения послужили очерки Ковалёва и Штаерман [14, с. 119]). Нередко употреблял и прилагательные, которые добавляли эмоциональности: «Римляне одержали решительную победу, сравнивали с землёй красивейший город Карфаген, а его жителей продали в рабство» [5, с. 56] или о восстании буколов: «Его неуловимые участники прятались в непроходимых болотистых местах и оттуда совершали смелые налёты на богатей...» [5, с. 219–220]. Автор старался давать сжатые контрастные характеристики: «Элагабал, деливший время между гаремом и жертвоприношениями ... был в 222 г. убит взбунтовавшимися преторианцами» [5, с. 214], или о Константинополе: «Огромный богатый город, сверкавший роскошью дворцов, блеском цирковых представлений, был ярким нарядом на убогом теле империи» [5, с. 233]. Как уже можно было заметить на отрывке про Элагабала, Кац стремился кратко обрисовать биографии и характеры древнеримских деятелей (например, Тиберия Гракха, [5, с. 69–70]), что выводило их из категории обезличенных выразителей общественных сил и по-

литических партий. Иногда он выбирал стилистические решения, которые больше подошли бы для публицистики: «Солдаты прозвали его Августулом, т. е. маленьким Августом, а точнее *Августёнком*» (*курсив наш* – С.К.) [5, с. 290–291]. В этом стремлении к более живому повествованию лекции Каца сходны с лекциями Штаерман, но есть и различие: последняя почти не использует словесных украшений, стараясь увлечь читателя интересными событиями и деталями, взятыми из источников, Кац же изначально социологичен в своём повествовании и сознательно старается расцветить его указанными выше способами. Современный читатель мог бы сказать, что Кац попросту не умеет писать увлекательно, но мы должны смотреть на это с исторической перспективы: его не только никто не учил писать таким образом, но и вся образовательная среда не была на это направлена; то, что в таких условиях автор всё-таки старается сделать свой текст лучше с точки зрения читательского восприятия, говорит нам о его принципиальных установках.

С некоторой долей допущения можно утверждать, что молодой лектор относительно легко написал основной текст лекций, но перечитывая его, начал вносить уточнения и замечания, связанные с тем, что буквально в последние пять лет перед выходом лекций стали выходить исследования, в которых пересматривались взгляды советской историографии на отдельные вопросы римской истории, усвоенные им в годы обучения и аспирантуры как устоявшиеся [12; 20]. Отсюда он чувствовал определённые сомнения, которые отпечатались в тексте.

Таковы попытки балансировки вопроса о том, преобладало ли на территории Италии крупное или среднее рабовладельческое хозяйство, где он пытается примирить старые и новые подходы [5, с. 57–59], особенно примечательно следующее рассуждение: «На смену натуральному хозяйству свободных производителей в Римской республике II в. до н.э. стало приходиться хозяйство огромных поместий, латифундий, и особенно широкое распространение получили рабовладельческие виллы средней величины, где велось интенсивное хозяйство.... Рабовладельческое хозяйство становилось всё более товарным» [5, с. 59]. Т. е. растут и латифундии, и средние виллы. В другом месте в сноске Кац вообще приводит мнение защитившего в 1957 г. кандидатскую диссертацию В. И. Кузицина (1930–2013), что латифундии в полном смысле слова были редкостью (крупные землевладельцы держали чаще всего не один гигантский земельный участок, а несколько средних и мелких поместий, ведущих раздельное хозяйство [5, с. 88, примеч. 1]) – в то же время в основном тексте осталось утверждение о преобладании крупных владений, ориентированных на рынок. Похожий приём отмечает и колебания автора с датировкой восстания Спартака: в основном тексте дан 74 г. до н.э. (точка зрения А. В. Мишулина), в примечании сказано, что «некоторые советские исследователи» считают этой датой 73 г. [5, с. 88, примеч. 2]. С другой стороны, мнение Мишулина, согласно которому раскол в войске Спартака пролегал по грани между свободной беднотой и беглыми рабами, которое подвергалось критике со стороны других советских историков ещё в годы обучения Каца в университете, тоже было отправлено в примечания [5, с. 90, примеч. 1], что в общем подтверждает их функцию ссылки для менее проверенных трактовок.

Очевидно, что Кац пошёл не самым лучшим путём с точки зрения методики преподавания, особенно если учитывать ориентацию его лекций на студентов-заочников, сильно ограниченных в использовании качественной литературы: не имея времени осмыслить, что означают вместе все те отдельные корректировки взглядов на римскую историю в советской науке, он просто упоминает эти корректировки, по сути дела перенося в голову студента ту путаницу, что происходила в научной сфере. Но мы далеки от того, чтобы упрекать его за этот выбор: чтобы написать новую версию истории, её нужно писать, в том числе ошибаясь и отталкиваясь от ошибок повествования, а если бы Кац выбрал вариант полного игнорирования нова-

ций, то это означало бы уже и научную нечестность, при которой для обучающихся существует одна версия истории, а для учёных – другая. К тому же иногда у него всё-таки получалось найти относительно непротиворечивый компромисс: так, он утверждал, что последствием восстания Спартака было то, что «в ряде случаев» рабовладельцы дробили имения на участки и сдавали их арендаторам [5, с. 92] – то есть, таким образом он как бы частично учитывал и мнение Кузицина, и оставлял в силе идею крупных латифундий.

Сильным местом лекций Каца было умение в сжатом виде излагать сложные логические цепочки: так, он обрисовал противоречия, которые породило превращение Рима из полиса в державу (между аристократией и плебсом, между завоевателями и завоёванными, между провинциальной знатью и простым населением) всего на протяжении пяти абзацев [5, с. 62–63], что позволяло ему аргументированно заявлять о том, что коль скоро «базис римского общества обновился» [5, с. 63], а государственная власть ещё нет, то это повлекло за собой кризис республиканского Рима. Объяснение это восходило к идеям С. Л. Утченко (1908–1976) о кризисе Рима как кризисе полиса [28], на статью которого Кац и ставит ссылку в соответствующих местах [5, с. 64, прим. 1], но формулировку идеи одного из своих учителей Кац даёт самостоятельно. Кроме того, это объяснение позволяет Кацу обоснованно указывать на низкое качество римского управления и провинциями, и войсками во II в. до н.э. [5, с. 63–64], т. е. удачно перейти от общих формулировок к конкретным примерам. При этом заметно, что автору трудно было удержаться от перечисления многих деталей, например, списка римских провинций ко времени начала кризиса, который заочники вряд ли могли запомнить (без приложенной карты и рекомендаций по работе с ней, как это делал, например, Гольденберг). Более того, удачно сформулировав какую-либо мысль, Кац затем не всегда мог остановиться и дополнительно разворачивал её в других вариантах, что увеличило объём пособия.

Интересно и то, что, стройно объяснив социальные причины кризиса Республики, Кац встал перед той же проблемой, как и С. Л. Утченко: при таком изложении истории борьба между рабами и рабовладельцами переставала быть главной движущей силой кризиса римского общества, ею становился сам рост Римской державы. Кац эту сложность решает путём компоновки материала: в конце пассажа о причинах кризиса он ещё раз повторяет об антагонизме рабов и рабовладельцев, называя рабские войны «важнейшим выражением кризиса Римского рабовладельческого государства» [5, с. 65].

Как и Гольденберг, Кац аттестует первое сицилийское восстание как стихийное, слабо организованное и ограниченное [5, с. 68–69], высказывая к восставшим претензии в том, что они не отменили рабовладение и создали тот же тип государства, что и на эллинистическом Востоке, откуда были выходцами. При этом стремление цитировать источники и насытить повествование фактами в данном случае работает против автора: он сам приводит слова Диодора Сицилийского о том, что повстанцы не трогали мелких вилл [5, с. 67], что, вообще говоря, свидетельствует о каком-то плане действий и об организованности. Более того, после слов об ограниченности восстания Кац вынужден заметить, что «тем не менее войска повстанцев громили римлян» [5, с. 68]. Описывая второе сицилийское восстание, лектор указывает, что основные два рабских войска соединились, и один из командиров признал власть другого, но почти тут же пишет о «раздробленности сил восставших» как причине их поражения [5, с. 80–81]. Тем самым материал не вполне подчинялся обобщениям, а причина кроется, видимо, в том, что автор продолжал находиться под властью ленинских слов об ограниченности рабских восстаний и не замечал нестыковок.

Кац – один из немногих авторов, который выделил для рассказа о кризисе империи и её позднем периоде фактически треть всего объёма своего курса; и это только отчасти объясняется тем, что его кандидатская диссертация была об идеологической борьбе начала IV в. При изложении периода Кац сразу оговаривается, что ориентируется на исследования Е. М. Штаерман [5, с. 205, прим. 1], а её идея о том, что римские ветераны составляли в III в. основу муниципальной знати, вводится им в основной текст как «новые и убедительные выводы» [5, с. 208].

Приводя примеры различных восстаний и волнений на территории империи в III в., Кац резюмирует: «Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что в III в. н.э. “низы” не хотели жить по-старому» [5, с. 220] – это очевидная отсылка к описанию революционной ситуации Лениным, тем более, что уже в следующем параграфе используется соответствующая цитата. Казалось бы, автор собирается в каком-либо виде сохранить тезис о «революции рабов», но вывод, который он делает, оказывается иным: революционная ситуация была, а революции не было, ведь Ленин писал о том, что для перерастания в революцию нужна ещё одна переменная: способность революционного класса на сильные действия, а угнетённые массы римского общества не могли объединиться, и выступления всегда носили локальный характер [5, с. 221–222, 233]. Революция произошла не в период кризиса III в., а позднее – в IV–V вв., её движущей силой «было стихийно складывавшееся взаимодействие между восстаниями угнетённых и варварскими нашествиями» [5, с. 280]; сознательный союз Кац ясно отрицал; в этой революции «не было класса-гегемона» [5, с. 281], а закончилась она гибелью антагонистических классов [5, с. 289]. Поскольку варвары принесли с собой разлагающийся первобытнообщинный строй, то его столкновения с разлагающимся рабством и породило феодализм [5, с. 6]. Итак, в этом последнем (и в некотором отношении решающем) пункте автор лекций не ушёл от ответа, а постарался найти логически и фактически непротиворечивую формулу. Как и в случае с ранней попыткой Штаерман передатировать античность, это был прообраз тех активных теоретических поисков, что расцветут в советской историографии в 1960-е гг.

Учебник для школы: кейс А. И. Немировского

А. И. Немировский, как и А. Л. Кац, был историком и преподавателем, но также и литератором. Кандидатскую диссертацию, посвящённую всадническому сословию, он защитил в 1950 г. [23, с. 177], в дальнейшем занимался в основном историей древней Италии и ранней Республики, долгое время преподавал в Воронеже. Когда был объявлен конкурс на создание нового учебника по древней истории для школ, Немировский подготовил свой текст, который тогда уступил версиям, созданным С. И. Ковалёвым и Ф. П. Коровкиным [15], но при этом после переработки в итоге вышел несколькими изданиями в качестве учебника для вечерних школ.

Очевидно, что в случае со школьным учебником (строго говоря, учебным пособием), который пусть и не имел миллионных тиражей, как учебники для средних школ, но всё-таки получил в первом издании 1962 г. двести тысяч копий, степень авторской свободы была много ниже, чем в случае с лекциями для студентов-заочников, напечатанных во Фрунзе тиражом, который не достигал и тысячи экземпляров. Некоторых начальных черт своего стиля учебник лишился именно в процессе доработки – это видно при сравнении сохранившегося черновика с опубликованной версией. Как и у Каца, у Немировского можно найти стремление к более живому повествованию, но иногда такие пассажи выглядят как случайно сохранившиеся примеры образного построения фразы: «На море свирепствовали пираты. На своих маленьких неуловимых судёнышках они совершали дерзкие нападения на торговые корабли...» [22, с. 147]. «Маленькие судёнышки», «дерзкие нападения» – это простые и при этом запоминающиеся образы, только применены они к малозначимой для учебника теме античного пиратства. Намного больший вес имели слова о Спар-

таке, в которых значение этой исторической личности подчеркнуто в возвышенных выражениях: «Ум, знания и выдающиеся способности Спартака были направлены не на завоевание чужой земли, не на порабощение других народов, а на освобождение угнетённых» [22, с. 150], причём сразу после этих слов приводились слова Ленина о Спартаке, что также должно было показать обучающимся масштаб фигуры вождя рабов. Удачным можно считать и описание римских развлечений в начале империи: «Римляне, встречавшие рукоплесканиями каждое известие о новом празднике или хлебной раздаче, меньше всего думали о восстановлении республики» [22, с. 161]. Некоторые пассажи о личностях были написаны удачнее в черновике, например, о Цезаре: «Он отличался образованностью, умом, стальной волей, холодной жестокостью и безмерной любовью к власти» [25, л. 416]. Но такая характеристика обладала отрицательным обаянием, так что в учебнике появился более короткий и бледный вариант: «человек выдающихся способностей и непомерного честолюбия» [22, с. 152].

Объём информации здесь, конечно, меньше, чем в пособиях для студентов или учителей, заметно облегчена и её подача (использование более коротких и простых по структуре предложений, минимизация терминов, имён и дат), но тем более важно обратить внимание на то, в каком направлении происходило упрощение. Например, первое сицилийское восстание Немировский объяснял через массовый сговор рабов «между собой» [22, с. 144], но не уточнял, почему они в принципе могли это сделать – ведь большая их часть была вывезена из одного региона; правда, читателю сообщалось, что восставшие создали «Новосирийское царство» [22, 144–145], так что, возможно, предполагалось, что дополнительную информацию ученикам сообщит сам учитель (в учебнике Ковалёва о сирийцах не упоминалось вовсе, [10, с. 140–141]).

Интересно и то, как Немировский пытался связать рабские восстания между собой: он выдвигает предположение, что попытка Спартака переправиться в Сицилию могла иметь целью создание «государства из освобождённых рабов наподобие государства Евна» [22, с. 149].

Новацией можно считать то, что переход от республики к империи обосновывается в том числе нуждами рациональной эксплуатации провинций [22, с. 160], ведь похожая мысль играла роль и в лекциях Каца, а важна она тем, что установление Римской империи лишается исключительно негативной оценки. Правда, это не означало, что в учебнике уменьшилась тенденция к оценке любого исторического явления с позиций классовой борьбы: в отдельном (и относительно крупном – 8 страниц из 56, посвящённых римской истории) параграфе по культуре Рима классовый характер римского общества утверждался иногда даже в ущерб фактам: «Богатые и знатные римляне, не знавшие никакого труда, проводили ежедневно по многу часов в банях (термах)» [22, с. 163] – вряд ли автор учебника мог не знать того, что римский плебс был основным посетителем терм. Кроме того, в параграфе по культуре заметна актуализация материала: при упоминании о том, что латынь стала основой ряда европейских языков, в том числе испанского, дана сноска, что на этом языке говорят в том числе кубинцы [22, с. 167, примеч. 1]; более половины страницы занято картой распространения на планете алфавитов на основе греческого и латинского [22, с. 169]; абзац про латинские слова в русском языке завершается так: «Всемирно известный крейсер “Аврора” назван именем римской богини зари» [22, с. 168].

Упадок Римской империи объяснён конспективно, что снимало вопрос хронологических неувязок, ведь по поводу прекращения завоеваний после Траяна было сказано, что «войско было нужно для подавления восстаний рабов и бедноты» [22, с. 171], словно бы эти восстания сотрясали Рим уже в первой половине II в. (о том, что это не так, обучающийся мог узнать многими страницами позднее, и вряд ли мог

критически сопоставить эти данные [22, с. 180]). Экономические причины упадка поданы также максимально просто: «Ослабевшая римская армия больше не вела завоевательных войн, поэтому поток пленных прекратился. ... Рабы обычно умирали молодыми. Количество рабов в Риме быстро уменьшалось. Рабы стали дороги, их труд – невыгодным» [22, с. 172]. Но далее Немировский предлагал трактовку, при которой находил в поздней античности новый класс: «Постепенно происходило слияние рабов и колонов в новый класс зависимых и эксплуатируемых земледельцев» [22, с. 182], и этот класс совершал «революционные выступления» [22, с. 182]. Так, можно видеть ещё одну версию постсталинской трактовки позднеантичной истории: с одной стороны, тут сохранена преемственность с «революцией рабов и колонов», с другой стороны, снято порождённое ещё словами Сталина теоретическое противоречие, при котором старый класс (рабы) оказывался революционным («классом-гегемоном») – теперь «рабы и колоны» отнесены к новому классу (очевидно, будущим крепостным). Вторжения варваров при этом поданы не как часть этой формулы, а как хронологически совпадающий параллельный процесс [22, с. 182], их вторжения помогли уничтожить рабовладельческое государство, но основной удар нанесли «народные массы» [22, с. 187].

Заключение

Конечно, поиски представителей молодого поколения историков-исследователей в сфере преподавания римской истории не были совершенно уникальны, ведь они сталкивались с теми же задачами, что и их более старшие коллеги, сохранявшие научную активность, но некоторые характерные черты всё-таки можно наметить. Видно, что для авторов нового поколения имел значение стиль повествования; не исключено, что в этом проявлялась их реакция на то сложное, часто путаное изложение материала в учебниках сталинского времени, при котором нередко забывались исторические личности и почти всегда – характеристика духа эпохи; историки 1930–1940-х гг. так сильно стремились показать, что все общества подчинены единым законам исторического развития, что в итоге породили унифицированный язык повествования, при использовании которого все общества стали выглядеть одинаковыми, неотличимыми друг от друга [16]. В противовес этому и Кац, и Немировский стремятся в своих текстах – один для студентов, другой для школьников – вернуть чувство живой истории. При этом они вполне последовательно придерживаются исходной теории, стремясь только преодолеть отдельные (как им тогда казалось) в ней нестыковки.

Можно это продемонстрировать на следующем примере: новое поколение, может быть, отказывалось от некоторых перегибов в освещении положения рабов, но в это время их точно нельзя относить к сторонникам пересмотра принципиального восприятия античности как времени господства рабовладельческой формации. Например, и Ковалёв, и Немировский приводят в своих школьных учебниках варраново деление орудий на молчащих, мычащих и говорящих, но именно Немировский утверждает при этом, что «рабовладельцы не считали рабов людьми» [10, с. 138; 22, с. 143], а в черновой (более пространной) версии учебника Немировского это суждение дополнялось эмоциональной деталью: «В пищу рабы получали хлеб и напиток, наполовину состоявший из морской воды и уксуса. Для насмешки его называли “вином”» [25, л. 381]. То есть, впитав многие характеристики античного общества, которые попали в преподавание именно в 1930-е гг., как очевидно верные, представители нового поколения были в чём-то даже более консервативны, чем их старшие товарищи.

Есть и другая общая черта. Одной из задач советского историка, создающего учебник, было внедрение в текст цитат из классиков марксизма-ленинизма, причём, коль скоро советская система преподавания исходила из того, что знание обучающе-

гося о том, что сказали Маркс, Энгельс или Ленин по поводу того или иного исторического явления или деятеля, является обязательным, то использование цитат было буквально самоцелью, а от автора зависело только то, насколько умело он сможет инкорпорировать их в повествование. В итоге эти цитаты, вероятно, не слишком запоминались учащимся, но подталкивали авторов учебников к тому, чтобы подгонять под них свои оценки. Мы ещё можем допустить, что Гольденберг сознательно избегал приводить те подробности о рабских войнах, которые бы поколебали ленинские слова о слабой организации повстанцев (и разводил в тексте примеры организации и соответствующую цитату), но анализ текста убедительно свидетельствует, что Кац в сходных случаях, наоборот, смело приводил факты рядом с цитатами, а значит, сам не видел противоречий между мнением авторитета и данными источников: он буквально на одной и той же странице цитирует слова Энгельса, как Константин провозгласил христианство государственной религией, и излагает содержание Миланского эдикта, уточняя, что в нём нет декларации о том, «что христианская вера принималась в целом» [5, с. 260]. И такое искажение видения вовсе не связано с квалификацией Каца как историка, тут дело как раз в том, что уместно назвать индоктринацией. В конце концов, все антиковеды знали, какие цитаты из Энгельса следует использовать, описывая историю христианства, но Кац обращается куда к большему кругу работ Энгельса и Маркса, а иногда даже к трудам мало писавшего об античности Ленина, используя в том числе не самые очевидные высказывания, что свидетельствует о высокой степени его теоретической подготовки. Энергичное использование чуть ли не всех возможных цитат из «классиков» в пространственных лекциях Каца ещё раз доказывает, как важно было для него выстроить непротиворечивое повествование, которое бы учитывало и мнение современной ему советской историографии, и сведения источников, и теоретические положения.

Известно, что уже в следующем десятилетии Кац поменял свою точку зрения и попробовал составить новую непротиворечивую комбинацию [6]. Это был тот путь, который проходили многие советские историки, не только антиковеды, до тех пор, пока не упирались либо в противоречия теории, либо в противоречия между теорией и фактологией – и уж во всяком случае оказывались в ситуации, при которой рассказать об этих противоречиях в учебных пособиях было уже невозможно. Мы могли видеть, что на школьном уровне этот отказ от «лишних деталей» произошёл раньше и быстрее: так, Немировский не упоминает, что вольноотпущенничество было нормой не только в позднем Риме, но даже и при республике – иначе это бы подточило аргумент, согласно которому у раба классической эпохи не было стимулов лучше трудиться; соответственно, его теория уже не может устоять без замалчивания известных автору фактов. Так, парадоксальным образом образование обнажило раньше ту проблему, с которой вскоре столкнётся и наука.

Список источников и литературы

1. Гольденберг В. А. История древнего мира: учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторического факультета. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1956. 170 с.
2. Дмитрёв А. Д. Движение *latrones* как одна из форм классово-войсковой борьбы в Римской империи // Вестник древней истории. 1951. № 4. С. 61–72.
3. История древнего мира. Учебник для 5–6 классов средней школы / под ред. А. В. Мишулина. М.: Учпедгиз, 1940. 240 с.
4. Кац А. Л. В садах Эпикура. СПб.: Алетейя, 2024. 802 с.
5. Кац А. Л. Древний Рим (лекции в помощь заочникам). Фрунзе: Тип. химфармзавода ГАПУ Минздрава Кирг. ССР, 1959. 294 с.

6. *Кац А. Л.* Проблема падения Римской империи в советской историографии (из истории вопроса) // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 212–229.
7. *Кац А. Л.* [Рец. на кн.:] С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман. Очерки истории древнего Рима. М., 1956 // Вестник древней истории. 1957. № 3. С. 216–220.
8. *Килачицкая И. Р.* [Рец. на кн.:] В. А. Гольденберг. История древней Греции и Рима. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников. Харьков, 1952 // Вестник древней истории. 1953. № 3. С. 114–116.
9. *Ковалёв С. И.* Всеобщая история в популярном изложении. Ч. 1: Древний мир. Л.: Прибой, 1925. 144 с.
10. *Ковалёв С. И.* История древнего мира : учебник для 5–6 кл. средней школы. М.: Учпедгиз, 1954. 176 с.
11. *Ковалёв С. И.* История Рима. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. 808 с.
12. *Ковалёв С. И.* К вопросу о датировке восстания Спартака // Вестник древней истории. 1956. № 2. С. 12–17.
13. История древнего мира. Ч. 2: Рим : учебник для 5-го кл. неполной средней и средней школы / С. И. Ковалёв [и др.]. М.: Учпедгиз, 1935. 144 с.
14. *Ковалёв С. И., Штаерман Е. И.* Очерки истории древнего Рима. Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1956. 334 с.
15. *Коровкин Ф. П.* История древнего мира. Учебник для 5-6 классов средней школы. М.: Учпедгиз, 1957. 192 с.
16. *Крих С. Б.* Древняя история и новая публицистика: о поисках нарратива в советской историографии сталинского времени // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 94–103.
17. *Крих С. Б.* «Революция рабов»: опыт историографической рефлексии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16, вып. 6 (152). URL: <https://history.jes.su/s207987840035917-7-1/>. Дата публикации: 31.08.2025.
18. *Машкин Н. А.* Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 82–92.
19. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М.: Госполитиздат, 1947. 680 с.
20. *Мотус А. А.* О датировке начала восстания Спартака // Вестник древней истории. 1957. № 3. С. 158–166.
21. *Мурыгина Н. Ф.* [Рец. на кн.:] А. Л. Кац. Древний Рим (лекции в помощь заочникам). Фрунзе, 1959 // Вестник древней истории. 1961. № 3. С. 140–142.
22. *Немировский А. И.* История древнего мира. 5 класс : учеб. пособие для вечерних (сменных) школ. М.: Учпедгиз, 1962. 192 с.
23. *Писаревский Н. П. А. И.* Немировский и историография античности второй половины XX века. К 80-летию со дня рождения учёного // Вестник ВГУ. Сер.: 1. Гуманитарные науки. 1999. № 1. С. 164–181.
24. *Рабинович Е. Г.* «Революция рабов» – краткая история мифа // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. Т. 22 (2). С. 1098–1131.
25. *Немировский А. И.* История древнего мира : учебник для 5 класса : машинопись с пометами и правкой автора, с вклеенными фотографиями и фоторепродукциями в переплёте, 1961 г. // РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. 527 л.
26. *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
27. *Сергеев В. С.* История древней Греции / под ред. Н. А. Машкина, А. В. Мишулина. М.: Госполитиздат, 1948. 552 с.
28. *Утченко С. Л.* Римское рабовладельческое общество в середине II в. до н.э. // Вестник древней истории. 1953. № 4. С. 157–165.
29. *Штаерман Е. М.* Проблема падения рабовладельческого строя // Вестник древней истории. 1953. № 2. С. 51–79.

References

1. Goldenberg, VA 1956, *Istoriya drevnego mira: uchebno-metodicheskoye posobiye dlya studentov-zaochnikov istoricheskogo fakulteta* (History of the Ancient World), Izdatelstvo Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gorkogo publ, Kharkov. (In Russ.)
2. Dmitryov, AD 1951, 'Dvizheniye latrones kak odna iz form klassovoy borby v Rimskoy imperii' (The Latrones Movement as a Form of Class Struggle in the Roman Empire), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 4, pp. 61–72. (In Russ.)
3. Mishulin, AV (ed.) 1940, *Istoriya drevnego mira. Uchebnyy dlya 5–6 klassov sredney shkoly* (History of the Ancient World. Textbook for Grades 5–6 of Secondary School), Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo Narkomprosa RSFSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Kats, AL 2024, *V sadakh Epikura* (In the Gardens of Epicurus), Aleteiya publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
5. Kats, AL 1959, *Drevniy Rim (lektsii v pomoshch zaochnikam)* (Ancient Rome: Lectures for Correspondence Students), Tipografiya khimfarmzavoda GAPU Minzdrava Kirg. SSR publ, Frunze. (In Russ.)
6. Kats, AL 1967, 'Problema padeniya Rimskoy imperii v sovetskoy istoriografii' (The Problem of the Fall of the Roman Empire in Soviet Historiography), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 2, pp. 212–229. (In Russ.)
7. Kats, AL 1957, 'S.I. Kovalev, Ye.M. Shtayerman. Ocherki istorii drevnego Rima' (S.I. Kovalev, Ye.M. Shtayerman. Essays on the History of Ancient Rome), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 216–220. (In Russ.)
8. Kilachitskaya, IR 1953, 'V.A. Goldenberg. Istoriya drevnei Gretsii i Rima' (V.A. Goldenberg. History of Ancient Greece and Rome), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 114–116. (In Russ.)
9. Kovalyov, SI 1925, 'Drevniy mir' (The Ancient World), *Vseobshchaya istoriya v populyarnom izlozhenii* (Universal History in Popular Presentation), part 1, Rabocheye iz-vo 'Priboy' publ, Leningrad. (In Russ.)
10. Kovalev, SI 1954, *Istoriya drevnego mira. Uchebnyy dlya 5–6 klassov* (History of the Ancient World), Uchpedgiz, Moscow. (In Russ.)
11. Kovalyov, SI 1948, *Istoriya Rima* (History of Rome), Izdatelstvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta publ, Leningrad. (In Russ.)
12. Kovalyov, SI 1956, 'K voprosu o datirovke vosstaniya Spartaka' (On the Dating of the Spartacus Revolt), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 2, pp. 12–17. (In Russ.)
13. Kovalyov, SI, Mishulin, AV, Nikolskiy, NM & Svanidze, AS (eds.) 1935, 'Rim' (Rome), *Istoriya drevnego mira* (History of the Ancient World), part 2, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo publ, Moscow. (In Russ.)
14. Kovalyov, SI & Shtayerman, YeI 1956, *Ocherki istorii drevnego Rima* (Essays on the History of Ancient Rome), Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR publ, Moscow. (In Russ.)
15. Korovkin, FP 1957, *Istoriya drevnego mira. Uchebnyy dlya 5–6 klassov* (History of the Ancient World. Textbook for Grades 5–6 of Secondary School), Uchpedgiz publ, Moscow. (In Russ.)
16. Krikh, SB 2021, 'Drevnyaya istoriya i novaya publitsistika: o poiskakh narrativa v sovetskoy istoriografii stalinskogo vremeni' (Ancient History and New Publicism: about Searching for a Narrative in the Soviet Historiography of the Stalin Time), *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* (Perm University Herald. History), no. 1 (52), pp. 94–103. (In Russ.)
17. Krikh, SB 2025, 'Revolyutsiya rabov': opyt istoriograficheskoy refleksii' ("Slave Revolution" and historiography on periphery), *Istoriya*, vol. 16, no. 6 (152), viewed 10 January 2025, <https://history.jes.su/s207987840035917-7-1/> (In Russ.)
18. Mashkin, NA 1938, 'Agonistiki, ili tsirkumtselliony, v kodekse Feodosiya' (Agonistics or Circumcellions in the Theodosian Code), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 1, pp. 82–92. (In Russ.)
19. Mashkin, NA 1947, *Istoriya drevnego Rima* (History of Ancient Rome), Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury publ, Moscow. (In Russ.)

20. Motus, AA 1957, 'O datirovke nachala vosstaniya Spartaka' (On the Dating of the Beginning of the Spartacus Revolt), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 158–166. (In Russ.)
21. Murygina, NF 1961, 'A.L. Kats. Drevnii Rim' (A.L. Kats. Ancient Rome), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 140–142. (In Russ.)
22. Nemirovskiy, AI 1962, *Istoriya drevnego mira. Uchebnoye posobiye dlya vechernikh (smennykh) shkol. V klass* (History of the Ancient World. For extension (shift-type) school), Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo publ, Moscow. (In Russ.)
23. Pisarevskiy, NP 1999, 'A.I. Nemirovskiy i istoriografiya antichnosti vtoroy poloviny XX veka' (A.I. Nemirovskiy and the Historiography of Antiquity in the Second Half of the 20th Century), *Vestnik VGU. Seriya 1. Gumanitarnyye nauki* (Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities), no. 1, pp. 164–181. (In Russ.)
24. Rabinovich, YeG 2018, 'Revolyutsiya rabov' – kratkaya istoriya mifa' ("The revolution of slaves": a brief history of myth), *Indoyevropeiskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, vol. 22 (2), pp. 1098–1131. (In Russ.)
25. *Rossiiskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* (Russian State Archive of Literature and Art), fund 3201, inventory 1, file 34, sheets 1–527. (In Russ.)
26. Sidorova, LA 2008, *Sovetskaya istoriografiya serediny XX veka: sintez tryokh pokoleniy* (Soviet Historiography of the Mid-20th Century), IRI RAN publ, Moscow. (In Russ.)
27. Sergeev, VS, Mashkin, NA & Mishulin, AV (eds.) 1948, *Istoriya drevney Gretsii* (History of Ancient Greece), Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury publ, Moscow. (In Russ.)
28. Utchenko, SL 1953, 'Rimskoye rabovladelcheskoye obshchestvo v seredine II v. do n.e.' (Roman Slave owning System in the Middle of the Second Century BC), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 4, pp. 157–165. (In Russ.)
29. Shtayerman, YeM 1953, 'Problema padeniya rabovladelcheskogo stroya' (The Problem of the Fall of the Slave System), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 2, pp. 51–79. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 08.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026